

От редакции

Письмо одного из потомков династии сибирских священников, известной с середины XVIII в., которое мы публикуем, по разным причинам не положило начала длительной переписке. Но мы посчитали, что этот документ и сам по себе представляет ценность, так как содержит интересные исторические сведения, семейные предания, важные для понимания того, что такое традиция как память рода, сословная память.

Настоятелю Нерчинско-Заводского Богоявленского собора. Нерчинский Завод

21 июля 2000 г.

Святой Отец,

С миром обращаюсь к Вам и в надежде, что простите меня за это письмо. Не будучи знаком с Вами, не зная Вашего имени и не имея возможности с должным почтением обратиться к Вам, все же рискнул я, грешный, написать его. Не думаю, что когда-либо смогу навестить Ваши края, хотя, как известно, зарекаться нельзя. Счастливый случай неделю назад свел меня и мою жену с жительницей Читинской области, которая приехала на время в Москву. От нее узнал я, что собор Ваш цел и, надеюсь, невредим. Раньше мне никак не удавалось выяснить его судьбу.

Не столько ради себя, многогрешного, сколько ради дочери и внуков моих прошу Вас ответить мне на несколько вопросов и заранее благодарю Вас от всего сердца. Уверен, что встреча моя с гостей из Забайкалья была не случайной, поскольку глубоко верю: все делается по святой воле Господа нашего. Молю Его, чтобы помог мне ясно изложить суть, а Вам дал терпение до конца прочитать письмо мое.

Речь идет о прапрадеде моих внуков Георгия и Антонины – протоиерее Симеоне Ефремовиче Боголюбском (1814 – 1874). Симеон Ефремович окончил курс Иркутской Духовной семинарии в 1834 году, где его фамилия Малков была изменена на Боголюбского. Кстати, «Иркутские епархиальные ведомости» того времени пестрят фами-

лией Малковых: в этом роду было немало священнослужителей. После окончания Семинарии был он законоучителем, инспектором и исправляющим делами смотрителя Нерчинского Духовного училища, благочинным. Знаю, что Симеон Ефремович был духовником Нерчинско-Заводского, Дучарского, Кутомарского, Цурухайтуевского, Среднеборзинского, Олочинского, Усть-Уровского, Сивачинского и Гадымбойского причтов, а до 1866 года еще и Аргунского, Батаканского и Урюмканского причтов. Симеон Ефремович был близко знаком с Высокопреосвященнейшим Нилом, архиепископом Иркутским, Нерчинским и Якутским, а также с архиепископом Камчатским, а затем митрополитом Московским Иннокентием (Иваном Евсеевичем Поповым-Вениаминовым). Одна из встреч Симеона Ефремовича с просветителем алеутов в Шилкинском Заводе – знаю точно – состоялась 16 мая 1856 года. Знаком он был и с Преосвященнейшим Герасимом, уроженцем Иркутской епархии (в мире Георгий Добросердов), который был сродником Иннокентия Вениаминова. Из наиболее известных государственных деятелей, с которыми Симеон Ефремович поддерживал переписку и встречался, назову генерал-губернатора Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Именно Симеон Ефремович напутствовал знамени-

тую Амурскую экспедицию Николая Николаевича в 1854 году. Все эти данные давно собирал я по крупицам, мало что осталось в семейных архивах и в памяти тех немногих, кто пережил гонения. Многие документы были уничтожены, часть из них и по сей день покоится на дне Невы в Питере или ушла под лед Енисея весной 1920 года. Это, правда, отдельная история. Сейчас я лишь пытаюсь выяснить хотя бы основное, что должны знать дети и внуки наши: имена наших сродников и места их захоронения.

Сохранились ли могилы Симеона Ефремовича, его супруги Татьяны Афанасьевны Боголюбской (в девичестве Белокопытовой – 12.01.1817 – 28.07.1855) и их малолетних детей Петра и Флавиана? Симеон Ефремович в свое время получил разрешение на погребение жены у стен собора.

Как я уже упомянул выше, несколько поколений Малковых-Боголюбских были священнослужителями. К сожалению, известно мне о них очень мало, однако в письмах Симеона Ефремовича говорится, что его прадед – Мартемьян Козмич Малков, выходец из Сольвычегодска, был рукоположен во священника в 1730 году самим Святителем и чудотворцем Иннокентием всего за год до кончины последнего. Перед тем как получить сан священника, Мартемьян Козмич взял себе в жены дочь купца Герасима Носы-

рева Анну. Незадолго до этого события Герасим Носырев, живя в остроге Доронинском, построил там по благословению епископа Иркутского, Святителя Иннокентия, Доронинскую Богородицкую церковь. Мартемьян Козмич стал ее первым священником. Грамота на сан, данная прадеду Симеона Ефремовича за собственноручную подписью Святителя, хранилась как ценнейшая реликвия в Богоявленском соборе Нерчинского Завода. *Сохранилась ли эта грамота до наших дней? Что известно о ее судьбе?*

Старший сын Мартемьяна Козмича — Симеон Мартемьянович Малков, был священником при Кукинской Святого Духа церкви, где у Ефрема Симеоновича Малкова, дядька той же церкви, родился сын, Симеон Ефремович Малков, будущий протоиерей Боголюбский. *Буду благодарен за любые крохи информации о родных и близких Симеона Боголюбского. Особенно недостает мне сведений о второй семье его отца — Ефрема Симеоновича, дети которой также пополнили духовенство забайкальских селений и Иркутской губернии.*

Помимо Малковых, Носыревых и Белокопытовых в Забайкалье проживали и другие наши многочисленные родственники, в том числе Беломестновы, Кычаковы, Юкечевы, Генкен и Венцели. Дядей Симеона Ефремовича Боголюбского был отец Симеон Федорович Пляскин, — все, что я знаю о нем, это то, что он был священником в Нерчинске. Очень хотелось бы узнать о нем больше, ведь Пляскины оставили большой след в истории Православной Церкви в Восточной Сибири. Еще один родственник — Родион Большаков — был двоюродным братом Симеона Ефремовича.

Я знаю, что пожар 1879 года

уничтожил все архивы в Иркутске, затем, как известно, появились всякие «спецхраны», куда до сих пор нелегко пробиться. *Есть ли какой архив в Нерчинском Заводе?*

Пишу так подробно не потому, что хочу загрузить Вас трудоемкой работой. Я никогда не посмел бы и мысли такой допустить. Просто надеюсь, что какая-то фамилия окажется для Вас знакомой, а может быть, и близкой. Я всегда боролся с отчаянием — и сейчас уповаю только на Господа с верою, что не могли же сгнать все до одного православные наши предки в красное лихолетье.

Сибирские архивы (в том числе читинские) важны для меня еще тем, что судьбе было угодно забросить в Забайкалье представителей другой нашей ветви — по линии Михаила Кюхельбекера, младшего брата поэта Вильгельма Кюхельбекера. Михаил был честным и смелым морским офицером, но по молодости наивным и увлекающимся. Он, к сожалению, слишком восторженно и слепо подражал старшему брату. Это подражание закончилось тем, что он вывел Гвардейский экипаж на Сенатскую площадь, в результате чего угодил как государственный преступник на каторгу. У меня есть все основания утверждать, что Михаил оказался вовлеченным в события 14 декабря 1825 года исключительно под влиянием Вильгельма. «Ученые-исследователи» советского периода сознательно замалчивали не только факт искреннего покаяния обоих братьев, но, особенно, глубокую веру Михаила в Бога. В ссылке младший брат удивлял местных жителей своей кротостью и терпением. До последнего дня он использовал свои познания в медицине, чтобы облегчить страдания больных селян, делился с людьми буквально последней копеечкой. Так

и умер. В течение нескольких часов принимал сложные роды, в результате чего спас женщину и ребенка. В доме не нашлось даже пеленок. Завернув дитя в свою рубашку, когда оно появилось на свет, Михаил вышел на улицу и, не пройдя нескольких шагов, упал. Сердце не выдержало напряжения. Его дочь Анна (в замужестве Миштовт), которая ребенком находилась на содержании у сосланных Трубецких, а затем в сиропитательном доме в Иркутске, родила Екатерину, которая стала женой Николая Семеновича Боголюбского, младшего сына Симеона Ефремовича. Николай Семенович до переворота 1917 года возглавлял Томское Горное управление, имел ранг тайного советника. Его старший брат, названный в честь Святителя Иннокентием, также стал горным инженером, в 1889 году был статским советником.

На другом конце России проживали, трудились и служили другие наши родные, носившие фамилии Терещенко, Фоминых, Тучковых, Лихачевых, Семенчуков, Балашовых, Царевых. Среди них были священнослужители, инженеры, простые крестьяне, офицеры, врачи. Их судьба во многом сходна с судьбой наших сибирских предков, между прочим, некоторые из них закончили свои дни в сибирских концлагерях, другие замерзли в пересыльных вагонах, единицы вернулись инвалидами после 16-летней советской каторги и вскоре скончались. Больше всего пострадали наши родственники-священнослужители. Мученическую смерть встретили: протоиерей храма в селе Благовещенье, Богородского уезда, Калужской губернии, отец Михаил (Михаил Антонович Семенчук был расстрелян на Бутовском полигоне НКВД в октябре 1937 года) и священник Покровской церкви села Ошейкино, Волоко-

ламского уезда, Московской губернии, а затем Воскресенской церкви села Ботово, того же уезда и той же губернии, отец Прокопий (брат М. А. Семенчука, по воспоминаниям очевидцев, расстрелян карательным отрядом чекистов-латышей в 1918 году). Выживших чудом в гражданскую войну, безбожную пятилетку и период (уродливое слово) репрессий прикончили немецкие пули (были убиты мой дед Петр, родной дядя Николай) и стрелки заградотрядов. Далеко не полный список моих родственников — жертв большевистского лихолетья — насчитывает 23 человека.

Перечислением их имен я не пытаюсь вызвать ожесточение, гнев в людских сердцах или, наоборот, бесконечную скорбь. Подобную историю можно услышать в каждой второй российской семье (видимо, потому, что в каждой первой кто-то стоял часовым на вышке, охраняя ГУЛАГ, допрашивал в подвалах НКВД или поливал свинцом спины «плохо наступавших» бойцов штрафбата). Мы, русские люди, заслужили свои страдания. Понимаю я и то, что спасение наше только в искренней христианской любви, в смирении и молитве. Иногда я оказываюсь в своем московском храме иконы Казанской Божией Матери в Узком плечом к плечу с внуком красно-

го командира, который в гражданскую войну лишил жизни многих участников Добровольческой армии. Теперь мы стоим рядом — со слезами в глазах и с комком в горле. *«Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех, и в скорбех, и в болезнях, обремененных грехи многими...»*

Могу ли я просить Вас о простом фотоснимке Собора Вашего? Как он сейчас выглядит? Когда я писал о грамоте прадеда Симеона Ефремовича, я забыл упомянуть еще одну грамоту, также за подписью Святителя Иннокентия, об освящении в 1728 году на том самом месте, где сейчас стоит Нерчинско-Заводской собор, храма во имя Апостолов Петра и Павла. Эта грамота хранилась в соборе, что должно подтверждаться надписью на кресте за Святым престолом. *Цела ли эта грамота?*

После Симеона Ефремовича в соборе, как Вам, разумеется, известно, служил его родственник, протоиерей Алексей Малков. До принятия благочиния он был миссионером в Ононском стане с 1865 года, ездил по улусам. С тунгусами у него получалось лучше, чем с иноверцами ламского суеверия. Конечно, мне хотелось бы узнать, исполняет ли сейчас кто-либо миссионерские обязанности, сохранилась ли, к приме-

ру, миссионерская церковь в Кушуре или молитвенный дом в Усть-Керкиринском.

Дочь Симеона Ефремовича, Юлия Семеновна Боголюбская, работала преподавателем в женском училище Нерчинского Завода, которое открылось там в 1872 году. Ничего не знаю о ее судьбе, как, впрочем, и о судьбе училища. Александра Семеновна Боголюбская, сестра Юлии, одной из первых сибирячек получила высшее медицинское образование, целиком посвятила свою жизнь лечению людей, отвергнув предложение руки и сердца известного исследователя Сибири Николая Михайловича Ядринцева, который настойчиво обхаживал ее после смерти своей первой жены и скоропостижно умер в 1894 году (в 1900 году в Барнауле был открыт памятник на его могиле).

Со смешанным чувством заканчиваю я свое сумбурное письмо. Не знаю, удалось ли мне передать Вам те чувства, с которыми я приступал к нему. Смею ли я надеяться, что даже в том случае, если Вам будет недосуг подробно отвечать на мое письмо, Вы дадите хотя бы подтверждение, что получили его. Я буду рад даже такому известию.

Кланяюсь земле Нерчинской и Вам в ноги и прошу прощения и молитв.

Раб Божий Владислав Царев